

УДК 008

«Республика с хорошим царем»: образы власти на переломе (1894-1918 гг.)

Терехова Мария Григорьевна

Независимый исследователь;
e-mail: 5188800@gmail.com

Аннотация

Предметом исследования являются природа и процесс формирования культа личности в России в переломный период революции 1917 г. Поднимается вопрос о соответствии запросу широких масс наличия культа личности и образа вождя как таковых. При проведении исследования применялись исторический в единстве с логическим, междисциплинарный и проблемноцентричный подходы, а также элементы системно-аналитического подхода, позволяющие вскрыть не всегда очевидные механизмы и причины формирования указанных феноменов. В работе проанализированы причины падения популярности императора Николая II накануне революции 1917 г., причем автор попытался уделить особое внимание не общепризнанным и неоспоримым причинам, а потому хорошо исследованным в научной литературе факторам, например Первой мировой войне, а подчеркнуть влияние менее очевидных, но оттого не менее существенных, таких как культурный раскол российского общества начала XX в., малопредсказуемые последствия развития технологий и прогресса, в том числе издательского дела, и неподготовленность власти к этому напряженному периоду. На примере политического дискурса эпохи Временного правительства показано, что формирование культа личности и последовавшие за ним изменения в обществе не могут рассматриваться как случайные. На основе проведенного анализа делается вывод о закономерности появления культа вождя независимо от того, какая партия пришла бы к власти после революции 1917 г.

Для цитирования в научных исследованиях

Терехова М.Г. «Республика с хорошим царем»: образы власти на переломе (1894-1918 гг.) // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 3А. С. 36-51.

Ключевые слова

Ментальность, культура, политика, власть, культ личности, царь, император, вождизм.

Введение

Как же так вышло, что первые в истории России призывы к демократии и народному представительству дали жизнь одному из самых тоталитарных режимов XX в.? Виной ли тому череда исторических обстоятельств, личные качества отдельных «пассионариев» или власть все же принимает только те формы, для которых подготовлена почва в самом обществе? В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть представления о власти и образы власти, которые могли послужить фундаментом для этих печальных метаморфоз.

Представления о власти и характере властных отношений во многом становятся базой, на которой строится жизнь общества. Ведь широкие массы взаимодействуют не с политическими событиями или лидерами, а с их репрезентацией, образами (по сути, с представлениями о них, а не с реальностью). Здесь здравомыслящий человек может возразить, что представление о власти нередко активно и профессионально насаждается самой властью. Однако, как показывает история, навязываемые обществу изначально чуждые ему элементы отторгаются носителями культуры.

Власть и состояние общества в период правления последнего русского императора описаны в научной литературе достаточно подробно. И благодаря тому, что сегодня для изучения данного периода времени нет идеологических препятствий, в большинстве своем эта литература объективна в своих оценках. Конечно же, ужас разрухи и массовые человеческие жертвы, последовавшие за отречением императора, естественным образом приводят к идеализации Николая II. Намного приятнее думать, что лишь роковая историческая ошибка повергла страну в ужас тоталитаризма, нищеты и полнейшего бесправия ее граждан и ранее не было никаких к этому предпосылок. Но история демонстрирует несколько другие реалии.

Основная часть

Первое десятилетие правления Николая II государственная система России представляла собой абсолютную монархию. Пресса, фотография, лубочные картины, кинематограф пытались наделить императора такими чертами, как сакральность, связь с народом, патернализм. Но, вероятно, это им вряд ли удавалось в полной мере.

При описании военных функций монарха для него был приготовлен особый титул «Державный вождь». По традиции царь являлся народу только в особых случаях, каковыми были коронация, церковный праздник, высочайший манифест. Прибытие царя было грандиозным спектаклем: «Все окна в домах во время следования царского кортежа зачем-то должны были быть закрыты (потом... они были не только открыты, но буквально усеяны народом). И закрывали их чуть ли не с 6 часов утра» [Дворжанский, Шишлов, 2000, 13].

Коронация и венчание Николая II и их описание в прессе служили созданию величественного сакрального образа. Повествование велось в восторженном величавом тоне. В 1896 г. газета «Родина» по случаю коронации императора писала: «...На русского Государя обращены были взоры всего мира как на источник правды, милости и могущества» [Цит. по: Дорофеева, 2009, 86]. Во время празднеств подчеркивался не только сакральный оттенок обряда, но и патерналистические качества царя и его функции как объединителя всей Русской земли. Московский листок сообщал: «...Теперь братски облобызается весь русский народ во имя царской радости, во здравие Царя, который понятен и дорог всем и каждому без различия

образования. <...> Всюду русские люди с вниманием разглядывают рисунки, где изображена коронация Царя-Батюшки с его Царицей-матушкой» [Цит. по: Там же, 87].

По данным переписи населения, грамотными в 1897 г. были всего около 21% населения России [Общий свод..., www], остальные 79% людей формировали свое представление о власти на основе визуальных образов и слухов. Показательным представляется название, которое в лубочном искусстве получил день венчания на царство, – «День радости русского народа» [Дорофеева, 2009, 86]. На лубочных изображениях люди в благоговении застыли перед царем. Во время войны с Японией лубки ставили царя, православие и Россию в один ряд. Самым ярким призывом эпохи был «За Веру, за Царя, за Отечество».

Поражение в русско-японской войне и революционные события 1905 г. заставили власть уделить самое пристальное внимание формированию образа монархии в прессе. Появлялось большое количество сатирических журналов, статей, выражавших недовольство существующим государственным строем. В деревнях резко возросло количество дел по обвинению крестьян в оскорбительных высказываниях в адрес императора [Безгин, 2004, 30].

На волне ожидания перемен пресса уделяла очень много внимания Государственной Думе. Появлялись блестящая публицистика и парламентская журналистика, например думские репортажи в газете «Новое время». Тем не менее интерес к Государственной Думе постепенно угасал, и это свидетельствовало не только о том, что ее деятельность не принесла значимых результатов, но и о том, что даже наиболее образованные слои общества были не готовы к парламентаризму и к постоянному участию в политической жизни страны. Общественность скорее искала волшебный механизм изменения текущей политической жизни – институт или фигуру, которые возьмут на себя функцию управления и будут выполнять ее на благо общества.

Манифест 1905 г. преподносился в прессе не как вынужденная мера, а как щедрое дарование царя русскому народу. Аграрная реформа Столыпина также преподносилась лубочным жанром в качестве высочайшего дара. Получил распространение лубок «Новая земледельческая Россия на хуторах и отрубных участках». На ней в центре помещен портрет Николая II в мантии и короне, а рядом – картинки с изображением преимуществ хуторского хозяйства [Дорофеева, 2009, 91].

Так как единственным справедливым решением аграрного вопроса крестьяне считали возвращение к идеалам подлинно народной жизни, т. е. передел и поравнение земли [Сухова, 2008, 123], а общину воспринимали как средство для осуществления высших интересов и идеалов [Там же, 71], увязывание фигуры правителя с этой непопулярной мерой вызвало огромное разочарование императором. Крестьяне убеждались, что царь не с ними, а значит «Подложный».

Человек не склонен абстрагироваться от окружающей его действительности и вникать в восприятие мира людьми ушедших эпох. Нам также не свойственно задумываться о качественном отличии (умении абстрактно мыслить, отталкиваться от привычных или непривычных нам ценностей) людей, принадлежащих другому времени. Но в силу различных причин (исторических, политических, культурных) российское крестьянство начала XX в. в стадильном развитии соответствовало примерно XII-XIV вв., а по некоторым признакам и вовсе обществу глубокой догосударственной архаики. Поэтому оно внутренне отрицало «историческую, политическую и социальную реальность, в которой пребывало последние 6-8 столетий» [Яковенко, 2014, 89]. Эта проблема глубоко изучена в работах таких классиков, как А.С. Ахизер, В.П. Булдаков, В.П. Данилов, О.В. Сухова, С.В. Лурье, Р. Пайпс, Т. Шанин, И.Г. Яковенко и др.

Упрощая, мировосприятие российского крестьянина начала XX в. можно описать следующим образом: оно носило родовой характер, отличалось стремлением к уравнительному землепользованию, отрицало институт частной собственности, наемного труда и любые формы рыночных отношений как явлений, ведущих к расслоению общества и разрушающих крестьянскую общину [Там же, 87]. Практики всеобщего поравнения представлялись народу единственными способами обеспечить членов общины достаточным для выживания минимумом, а сама община выступала наиболее морально приемлемой формой организации жизни. Идеи образования и самостоятельности человеческой личности, прогресс (в том числе агротехнический), культура городов и многие специальности, например врачи, «те, кто носят униформу, меховые шубы, золотые очки, и даже те, кто складно говорят» [Шанин, 1993, 13], отторгались как пугающие, нарушающие «должный» порядок вещей. Подобная реальность может быть названа термином «средневековье»: человек уже признает, что существует в государстве и цивилизации, но эти реалии осознаются им как нарушение извечного и потому единственно правильного порядка бытия. Это ведет к стремлению вырваться из истории, к эсхатологическим ожиданиям скорого падения этого мира, «погрязшего во грехе», к желанию познать сакральную Вечность истинного бытия.

Чем мощнее архаическая компонента в культуре монотеистического общества, тем сильнее тенденция обожествления правителя. В традиционной христианской автократии кесарь предстает как живой Бог. Это отношение к власти – не метафорический страх перед властью предержавшими, а живое, эмоционально-наполненное переживание [Яковенко, 2014, 11]. Именно на условиях реализации Божественного порядка на земле и гарантий Божественной защиты от космических стихий Правитель находит подчинение и почитание членов общества.

Одновременно как элементы Божественного порядка видятся ценности и идеалы, присущие этому обществу. И именно их воплощения как народной «Правды» ожидают от царя. Поэтому настоящий Царь – он всегда доподлинно народный, крестьянский, «наш». Мешают ему воплотить идеалы народной «Правды» только бояре да чиновники.

Столыпинская реформа настолько расходилась с представлениями крестьян о справедливости, что крестьянское сопротивление было отмечено более высоким уровнем насилия, чем при целом ряде других реформ, тоже затрагивавших вопросы хозяйствования и имущества [Буховец, 1996, 293]. А увязывание этой реформы с образом императора убеждало крестьян, что царь не с ними, а значит «Подложный».

Во время войны 1914 г. близость царя к народу пытались передать с помощью демократизации его образа. Летопись войны тиражировала фотографии Николая II в походной одежде, подчеркивая его непритязательность. На многих фотографиях царь уже не являлся композиционным центром картины. Хроники фиксировали встречи царя с крестьянами в процессе земельной реформы и при выполнении им гуманитарных миссий. Император начал восприниматься как обычный человек. Его внешность сравнивалась с внешностью сельских мужиков, и иногда не в его пользу [Аксенов, 2014, 38].

Некоторые снимки, запечатлевшие императора рядом с главнокомандующим Николаем Николаевичем, показывают, как Великий Князь, обладавший более яркими внешними данными и более высоким ростом, смотрит на Николая II сверху вниз. Кроме того, император внешне уступал отцу и деду. В народе ползли слухи о том, что Николай Николаевич имеет право отдавать приказы императору и разжаловал его в простые солдаты за то, что тот «продал Перемышль немцам» [Колоницкий, 2010, 575].

Слухи подтачивали имперскую власть не менее, а может, и более, чем конкретные обстоятельства. Они множились с невиданной скоростью и наполнялись самыми немислимыми деталями. В процесс обмена слухами были включены не только крестьяне и рабочие, но и представители высшего света и интеллигенции. Светские дамы хвастались, что специально ходили распускать слухи об императоре и императрице на завод и радовались, что абсолютно все их словам верили [Булдаков, 2010, 110].

Меры по популяризации образа императора включали тиражирование портрета царя на различных сувенирах – от почтовых марок до подносов. Это не было мудрым шагом, так как «предметы того же рода, что способствовали, по выражению Томаса Ричардса, усилению “приобретенной харизмы” королевы Виктории, – эти предметы могли отрицательно сказаться на харизме российского монарха» [Вортман, www]. Изображение царя на подносах и других подобных предметах убивало всякое магическое переживание его образа. Например, даже о почтовых марках с изображением Николая II епископ Никон писал: «...Сии Царские портреты пачкаются почтовым штемпелем, как будто ради вящего над нами поругания». Никон задавался вопросом, в России ли еще он живет «или же пришел жид и покори́л наше царство» [Цит. по: Вортман, 2004, 126]. Почтмейстеры оставляли марки непогашенными, поскольку не хотели осквернить лицо монарха печатью. Тираж марок даже был приостановлен в 1913 г., но вскоре снова продолжился.

Для популяризации династии Романовых император также спонсировал исторические фильмы, восхвалявшие подвиги его предков. Однако эти фильмы оскорбляли чувства консерваторов, поскольку сакральные места, такие как Троицкий монастырь, становились в них декорациями, пусть и для описаний героических подвигов [Вортман, www].

В начале XX в. быстро развивались СМИ, росла доступность информации. Всего три десятилетия назад традиционное восприятие царя крестьянами как Земного Бога было поколеблено убийством Александра II. Для архаического сознания стала непоправимым ударом истина о том, что царя мог убить обычный человек и что помазанник Божий не является единым целым с особыми мистическими стихиями. Теперь же изображения царя тиражировались. Люди, не привыкшие, что императора можно увидеть просто так, вне крайне ограниченного количества парадных портретов, узнали, что император является обычным человеком. Его демократичный, человеческий образ не приближал его к народу, а, наоборот, увеличивал недоверие к нему. Царь оказался ненастоящим.

Люди не поняли изменений в образе монарха, а власть не смогла верно отреагировать на развитие технологий и культуры: «За стенами в красных палатах жили, народу царя словно икону показывали. Так на нем ни пятнышка не приметить было. А теперь-то война его под самый нос подсунула: на мол, крестьяне, смотри, что за чурок воробьиный... А куда нам такой?» [Федорченко, 1992, 84]. Зато это ощущение, как покажет история, прекрасно улавливал Сталин, который показывал себя людям исключительно на парадах или портретах.

Информационная война была проиграна монархией с треском. Часто утверждается, что убийство Николая II и его семьи носило стихийный характер. Но призывы уничтожить царя-«душегуба», «кровопийцу» и всю царскую чету появлялись уже в 1908-1909 гг. [Буховец, 1996, 309-310], т. е. в то время, когда публичное выражение подобных идей было, мягко говоря, связано с риском. В.Б. Аксенов пишет, что в этот период находили портреты царя и членов его семьи с выколотыми глазами, портреты, облитые кровью. Крестьяне, верившие, что изображение субъекта может оказывать на него влияние, совершали магические ритуалы [Аксенов, 2014, 42]. О смерти монарха и думали, и говорили.

Однако мысль о физическом уничтожении царя не равнялась идее изменения политической модели. И политическая революция не стала революцией политической культуры. Десакрализация и непопулярность образа Николая II по российской традиции привели к мысли о «самозванчестве», о том, что царь «ненастоящий».

К началу XX в. в стране назрела масса противоречий: две проигранные войны, земельный вопрос, реформы, которые проводились под давлением полиции и только в последний момент, когда их невозможно было откладывать далее. В течение всей российской истории монархия последовательно ограждала крестьянство от просвещения и прогресса, однако рыночные отношения и технологический прогресс продолжали проникать в Россию под влиянием исторического императива и влекли за собой неминуемые изменения. Результат же этих изменений в глубоко сословном и культурно расколотом обществе был мало прогнозируемым. Но ключевым противоречием все же стал кризис власти: «Действия, обуславливающие движение к смуте, не могут привести к самой смуте, если предварительно не произошло падение или резкое ослабление легитимности государственной власти. В нашем случае – власти самодержца. Так было при Борисе Годунове, так было и при Николае II» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2005, 280].

До расправы над императором и его семьей в России был период стремления к либерализму и демократии, на который мыслители ссылаются, стремясь увидеть либеральные зерна в российской политической культуре. Февральскую революцию и общество, и пресса встретили восторженно. Временное правительство мыслило себя как демократическое: вся цензура, кроме военной, была отменена; число печатных изданий росло лавинообразно; возникали профсоюзы, общества и другие объединения; различные партии свободно высказывались, пытаясь убедить будущего избирателя в своей точке зрения.

Казалось бы, эти условия делали невозможным появление культа одного политического деятеля, и в культе Ленина и Сталина принято обвинять большевистскую пропаганду и полную подконтрольность СМИ. Но изучение политического дискурса первой половины 1917 г. способно уменьшить масштаб этих иллюзий.

В мае 1917 г. А.А. Богданов, один из лидеров большевиков, публикует в газете «Новая жизнь» пронципальную статью, в которой говорит о том, что в различных политических партиях процветает «вождизм». Автор делает вывод о том, что авторитаризм, который был свергнут политически, продолжает жить культурно: «Большинству наших социалистов по имени и программе надо еще стать хотя бы демократами по методам мышления. <...> Культурная революция необходима» [Богданов, 1917, 4]. А.А. Богданов провидчески утверждает, что партия воспроизводит в обществе прежде всего собственное устройство и только потом программу и цели. И если сама партия строится на вождизме, то и управление в обществе она выстроит по тому же принципу.

Если культ личности в партии большевиков и народников может показаться предсказуемым, то вождистская риторика партии кадетов, партии демократов, состоявшей из целой плеяды блестящих интеллектуалов своего времени, оставляет мало сомнений в том, что люди, называвшие себя приверженцами самых разных политических течений, оставались носителями все той же авторитарной политической культуры. Князь Е.Н. Трубецкой так описывал П.Н. Миллюкова: «Господа, все на местах внимательно следили за шагами этого доблестного вождя партии народной свободы. Мы не могли усмотреть в них ни единой ошибки...» [Цит. по: Колоницкий, Антимонархическая революция..., 2017, 38]. Приветствие в адрес партийного

лидера делегаты съезда встретили «бурными аплодисментами», которые переросли в «продолжительную овацию». Как тут не вспомнить стенограммы речей Генеральных секретарей, где появлению оваций непременно предшествуют четыре вида инструкций: «аплодисменты», «бурные аплодисменты», «бурные и продолжительные аплодисменты», «бурные аплодисменты, переходящие в овацию». Речи молодых членов партии кадетов заканчивались призывами: «...Да здравствует наш Центральный Комитет, да здравствует наш вождь, наша слава и наше знамя – Павел Николаевич Миллюков» [Там же].

Конечно же, приведенные примеры не говорят о том, что кадеты были носителями тех же идей, что и большевики. Большевики взяли уже существующую в обществе риторику и развили привычные формы отношения к власти до их логического завершения – советской культуры. Однако отработка данных речевых и неречевых форм проводилась не только и не столько большевиками, сколько обществом в целом.

Но может ли случиться так, что отдельных политических лидеров именуют «вождями», «учителями» и «солнцем революции», стремительно ухудшается экономическое положение, нарождается смута, общество раздирают внутренние противоречия и в этих условиях власть не захватывает та или иная форма диктатуры? Такое сложно себе представить. Получается, что культура общества и менталитет народа сделали становление диктатуры более чем закономерным.

Конечно же, самым ярким примером зарождения культа «харизматического лидера» стал культ А.Ф. Керенского. Министр был популярен около полугода. Как отмечает А.Г. Голиков, характер этой популярности, эмоции, которые передавала пресса, сделали его образ классическим для «вождя», если не сакрального, то вполне претендующего на эту роль [Цит. по: Голиков, 1992, 61].

Пресса именовала его «вождем русской революции», «символом новой революционной России». Во время часовой остановки в Киеве журналист «Русского слова» констатирует, что вокзальная площадь представляла собой сплошное море людей. Керенский был засыпан цветами, звучали «Марсельеза» и возгласы «Ура!». Многотысячные толпы встречали его и в Москве. Люди сорились между собой за место, на котором лучше его видно. Звучали возгласы «Ура! Спасибо! Все умрем!». Газета «Русский инвалид» разместила стихотворение солдата Н. Тихонова – политический отклик на приказ министра о наступлении:

«Мы вновь идем, ты нас ведешь, герой,
Ты русский Гракх с душою Гарибальди.
Ты нас зовешь в сверкающие врата
Величием прекрасного пути,
На твой призыв начальника и брата
Страна пойдет, не может не пойти.
Твои слова – не ветер знойно зыбкий,
То молнии бессмертного огня,
Следят века с завистливой улыбкой
За знаменем сегодняшнего дня.
Кто это знамя честно пронесет,
Кто даст нам жизнь, стремления святы,
О, вождь, сейчас в тебе одном живет
Великая свободная Россия» [Цит. по: Там же, 69].

Манера Керенского выступать была невероятно харизматична, эмоциональна и властна, он умел держать зал и покорять людей. Он использовал громкие выражения, обращался к залу «товарищи», завоевывал людей словами вроде: «Я не могу жить без народа, когда Вы усомнитесь во мне, убейте меня» [Цит. по: Там же, 64]. Эмоциональная окраска выступлений Керенского отвечала духу времени: «Революция – это праздник в самом строгом смысле этого слова. Время идеального бытия... Старый режим рухнул, и вслед за ним в самом недалеком будущем настанет новая счастливая жизнь» [Цит. по: Яковенко, Познание..., 2017, 132]. Реальные положительные качества Керенского никоим образом не отрицают того факта, что он существовал в культуре (в том числе языковой), ведущей к формированию авторитаризма. Эта культура не исчезла с падением монархии и не появилась благодаря большевикам.

К июлю 1917 г. стало понятно, что кризис общественный и политический только усугубляется. Политика Временного правительства не оправдала ожиданий людей. Решение основных вопросов – земельного, вопроса прекращения войны, вопроса отмены сословий – откладывалось до созыва Учредительного собрания. С точки зрения демократических ценностей этот ход вызывает восхищение. Однако простому мужику сложная логика функционирования демократических институтов была малопонятна. Он видел только «барскую волокиту с целью замотать дело и обмануть» [Яковенко, Великая война..., 2017, 31].

Как и положено любому русскому лидеру после того, как его популярность стала падать, Керенский был осмеян и обесценен. Появлялись уничижительные памфлеты, песни, поговорки. Слухи приписывали Керенскому и сифилис, и женитьбу на немецкой балерине. Поговаривали, что секретарь его куплен или немцами, или большевиками и готовит сепаратный мир [Булдаков, 2010, 398].

Главным своим врагом Временное правительство считало сторонников реставрации монархии. И они не ошиблись. Главным их противником были монархисты, только иного рода – большевики, втягивающие страну в привычный монархический строй в новом облики. Политик и публицист, редактор журнала «Вехи» А.С. Изгоев утверждал, что вдумчивым людям уже тогда было ясно, что «ленинство, русский анархизм есть лишь вывернутое наизнанку русское царское самодержавие» [Цит. по: Шелохаев, Соловьев, 2017, 38]. Как же отвечали большевики на главные запросы общества? ««Ликвидация сословий»; «Мир без аннексий и контрибуций»; «Право наций на самоопределение»; «Земля – крестьянам». Эти лозунги строго соответствовали ожиданиям и упованиям народных масс» [Яковенко, Великая война..., 2017, 31].

Либеральное крыло обвиняло большевиков в популизме и апелляции к низменным инстинктам толпы. Но страна, разочаровавшись в Керенском, по внутренней потребности, которая коренится в ментальности, стремилась персонифицировать власть в одном человеке.

3 апреля 1917 г. на вокзал прибывает В.И. Ленин. Сегодня мы уже вряд ли найдем полностью соответствующие историческим фактам описания этого события. Со временем оно стало одним из центральных мифов советской пропаганды. Однако доподлинно можно утверждать, что после объявления амнистии Временным правительством в марте – апреле 1917 г. на вокзалы Петербурга чуть ли не каждую неделю прибывали известные революционеры. И даже церемония приветствия была во многом стандартна: к примеру, почетные встречи эсеров В.М. Чернова и Н.Д. Авкеньева также сопровождали оркестр и «Марсельеза», одобрителный гул сторонников, воинские части с ружьями на караул, приветственная речь прибывшего. Схоже встречали анархиста П.А. Кропоткина, Г.В. Плеханова и А.Ф. Керенского во время его поездок

по стране. Можно предположить, что сложился некоторый ритуал торжественной встречи революционера, в которую входили эти или похожие атрибуты. Таким образом, прибытие В.И. Ленина было достаточно рядовым событием.

К.А. Тарасов, изучив статьи и мемуары, посвященные прибытию Ленина, и приведя убедительные цитаты из них, пришел к выводу о том, что под сомнение можно поставить практически каждый атрибут, увековеченный пропагандой Советов. Вероятно, не было броневика, был лишь автомобиль или даже стол; не было кепки, скорее всего, Ленин был одет в котелок, а кепка была добавлена для сходства с образом простого рабочего; совершенно точно в этот день не было дождя; в воспоминаниях разных людей абсолютно по-разному описана степень радикальности слов Владимира Ильича, а знаменитый жест с выброшенной вперед рукой появляется в текстах повсеместно лишь с 1927 г. [Тарасов, 2014, 149].

Различия в воспоминаниях можно объяснить как обыденностью события, так и деятельностью Истпарта – Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б). С авторами мемуаров проводились «образовательные» беседы, в сами воспоминания вносились исправления, дабы «придать работе, как она того требует, научный характер» [Ильин, 1930, 231]. Детали встречи корректировались вплоть до 1960-х гг., как и постоянно изменяющиеся в зависимости от тактических целей советского руководства целые разделы самого марксизма-ленинизма [Валлерстайн, 2011, www].

Зная факты внесения изменений, уверенно можно говорить о том, что советская власть осознанно создавала образ своего лидера, дополняла его военными атрибутами вроде броневика, чертами сходства со средним представителем целевой аудитории – кепкой вместо шляпы-котелка. Вероятно, добавлен был и накал бескомпромиссности в речи, в том числе призывы к уничтожению эксплуататоров и Временного правительства.

В марте 1917 г. возобновляется выпуск газет РСДРП. Их язык предельно близок носителю черт традиционной культуры. На страницах изданий все было разделено на черное и белое, их наполняли призывы к немедленной классовой революции, после которой настанет справедливый и понятный рабочему мир. Народ провозглашается победителем, который «кровью и жизнями» сделал возможным падение «благоденствия царской шайки, построенного на костях народа» [Что должен знать..., 1917, 4]. В газетах переписываются события июльских забастовок 1914 г. Оказывается, что царское правительство, на самом деле придерживавшееся выжидательной тактики, «расстреливало на улицах и в домах женщин и детей» [Там же].

И если ни император, ни партии Временного правительства не пытались быть принятыми основной массой населения и решать вопросы, казавшиеся неотложными обществу, то РСДРП для завоевания общественного мнения не гнушалась ничем. Уже в первом номере газеты «Правда» 1917 г. в требованиях РСДРП обозначены «прекращение кровавой бойни, которая навязана народам угнетающими классами», «конфискация помещичьих, монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии» [Там же, 3]. Достаточно справедливые требования, например о восьмичасовом рабочем дне, перемежаются бессовестно-популистскими лозунгами, адресованными самым необразованным слоям населения:

- «Предоставление судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.
- Выборность судей народом.
- Замена постоянного войска всеобщим вооружением народа» [Там же, 4].

Так начинает выстраиваться образ партии РСДРП. При этом нельзя утверждать, что люди в едином порыве поверили большевистским идеям. Даже на последующих выборах в Учредительное собрание в феврале, которые назначили сами большевики, первое место заняли эсеры. К октябрьскому перевороту 1917 г. массы также остались достаточно равнодушны. Да и совершался он на удачу, поскольку в ноябре уже было бы поздно. На ноябрь были назначены выборы в Учредительное собрание, которое, скорее всего, приняло бы решения по вопросам земли, участия в войне и отмены сословий, т. е. разрешило бы самые острые противоречия и тем самым лишило бы большевиков основных аргументов для захвата власти [Интервью Керенского..., www]. Надо было спешить, поэтому переворот не имел основательной подготовки, а для свидетелей события был порождением хаоса в обществе и слабости Временного правительства, а не приходом партии, которой уготовано стать властью. Как пишет Р. Пайпс, «в октябре произошел классический государственный переворот, захват государственной власти меньшинством, проведенный в угоду демократическим условиям того времени, с видимостью поддержки и участия в нем большинства населения, но на деле без привлечения масс» [Пайпс, 2005, 155].

Удержаться у власти большевикам помогло умение ответить на традиционалистский эсхатологический запрос общества. И.Г. Яковенко отмечает: «История свидетельствует: на рубеже Средневековья и Нового времени, когда рушится освященный традицией патриархальный уклад жизни, традиционалистские массы, прежде всего крестьяне, пассионаризируются. Расцветает эсхатологическая истерия» [Яковенко, Мышление..., 2017, 88]. Традиционалистские страх и отвращение к прогрессу рождают убежденность в том, что обновляющийся мир погряз во грехе и потому в скором времени должен рухнуть, знаменуя рождение райской жизни. Хилиастические движения собирают под свои знамена десятки тысяч людей: можно назвать луддитов в Англии, таборитов в Чехии, движения Мюнцера в Германии, Савонаролы в Италии. Но отсутствие проекта альтернативного мироустройства чаще всего приводит крестьянские войны к поражению. Марксизм-ленинизм выделяется на этом фоне: он смог дать народу план действий для строительства новой реальности.

С 1917 по 1920 г. власть большевиков представляла собой «диктатуру Ленина и Троцкого». Троцкий был блестящим оратором, оказывавшим чуть ли не магическое действие на толпу. Пользуясь предельно простыми выражениями вроде «Советская власть отдаст все, что есть в стране, бедноте и окопникам!» и «У тебя, буржуй, две шубы – отдай одну солдату» [Цит. по: Пайпс, 2005, 466], Троцкий мог доводить практически до религиозного экстаза изначально абсолютно равнодушно настроенную к нему публику. Известные слова В.И. Ленина «Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму» [Цит. по: Воспоминания..., 1984, т. 2, 256] как нельзя лучше характеризуют риторику большевиков. В 1917 г. подавляющее большинство страны оставалось (разумеется, не по своей вине) людьми не XX в., а традиционной культуры, и большевики верно почувствовали необходимый подход. И Ленин, и Троцкий были талантливы в понимании настроений толпы.

По мнению целого ряда исследователей и мемуаристов, Троцкий был талантливее Ленина и как оратор, и как писатель, и как практик революции. Но быть всенародным лидером ему было не суждено. Наверное, отчасти из-за национальности и отчасти из-за нежелания умерить высокомерие, которое отталкивало от него коллег по партии. Тем не менее даже он отмечал, что Ленин был изоморфен русской культуре и революционной смуте как ее порождению. Среди самых «национальных» черт Ленина Троцкий подчеркивает свободу от фальши, смелость

мысли и действия, а также крепкую мужицкую смекалку, развившуюся до гениальности [Троцкий, 1920, 1].

Хотя в 1920 г., когда была опубликована процитированная статья, культ Ленина уже начинал формироваться, вряд ли можно упрекнуть Троцкого в том, что он был неискренен в своих оценках и писал эти строки только затем, чтобы следовать общему стилю восхваления «вождя». Целый ряд талантливых современников Ленина, придерживавшихся различных политических взглядов, в качестве описательного эпитета для Ленина прибегали именно к подчеркиванию его «русскости» (например, Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун, Н.В. Устрялов).

Выступления Ленина были составлены предельно просто. Он был весьма образованным человеком, обладал феноменальной памятью, но широкой публике своего интеллекта не демонстрировал. Речи Ленина характеризуются разделением всего и вся на черное и белое. Он обязательно говорит о том, что победа большевистских идей означает рождение светлого нового мира не только для России, но и для всего мира. Коллег по дискуссии и носителей противоположных мнений он побеждал знакомым всем по бытовым перепалкам образом: старался «осудить, осмеять и опозорить» носителей оппозиционных идей [Булдаков, 2010, 418]. Позднее именно этот стиль дискуссии станет мощным инструментом советской пропаганды, находившей отражение в карикатурах, стихах, кинематографе. Не видел Ленин никакой ценности в личном счастье отдельного человека, ему претил уют, понимаемый как мещанство. Впрочем, неприятие «буржуазного мещанского царства» объединяло всю русскую интеллигенцию от Герцена до интеллектуалов Серебряного века. Крестьяне и вчерашние крестьяне, приехавшие в город на заработки, ненавидели «кулака-мироода». Эту ненависть умело использовал Ленин в своей риторике.

Легко заметить, что все перечисленные выше особенности риторики и мировоззрения будущего вождя прочно ложатся на манихейскую и гностическую составляющую традиционной культуры России. Ее достаточно подробно рассматривает в своих работах современный культуролог И.Г. Яковенко: «Манихею присуща особая, резко дуализированная картина мира, предполагающая мощное эмоциональное наполнение. “Мы” всегда справедливы, прекрасны, достойны восхищения. “Они” – образцово-показательно ужасны и вызывают омерзение. Противник манихея во все времена “убивает беременных женщин и отравляет колодцы”» [Яковенко, Познание..., 2017, 173]. И поскольку все зло, существующее в мире, является делом рук Врага манихея, манихей всегда устремлен к Последней битве, после победы в которой родится чудесный новый мир. Из этих же предпосылок рождается блокирование любого благородного отношения к противнику и возможности диалога [Яковенко, 2014, 56].

И манихейство, и гностицизм являются компонентами именно традиционной культуры и прослеживаются на протяжении всей российской истории [Яковенко, Познание..., 2017, 175]. Большевики дали жизнь идеям, которые знаменовали возрождение архаических идеалов, и были органически близки массам. Они произносили то, что казалось родным и близким. Может быть, именно поэтому талантливые современники чувствовали и подчеркивали «русскую» натуру Ленина.

Близость образа Ленина к глубинным культурным слоям подкреплялась его неистовой, искренней верой в собственное дело, в те убеждения, которые он проповедовал. В его искренности очень сложно усомниться, эту черту Ленина постоянно отмечали его современники. Искренность является именно той чертой политического лидера, без которой русский человек ему не поверит. В России искренность исторически играет совершенно особую

роль. К примеру, в русских письменных источниках слово «искренность» встречается уже в XI в. – вместе с появлением древнерусской литературы как таковой. Для сравнения во французском и английском языках это слово возникает значительно позже – только в XVI в. [Рутген, 2017, 173].

Кульٹ Ленина начинал формироваться еще при его жизни, что естественно, ведь в каждой партии в 1917 г. был свой культ лидера или претендент на эту роль. Особым поводом для становления массовой агитации и пропаганды стало покушение на Ленина Фанни Каплан в 1918 г. Дело в том, что в 1917 г. беднейшее население России (а таковым было большинство) было пленено обещаниями большевиков о разделе земли, прекращении войны и «экспроприации имущества» в пользу нуждающихся (на деле представлявшей собой грабеж и самосуд). Большевики положили начало кровавой смуте, дав карт-бланш на насилие. Но к 1918 г. у людей росло недовольство из-за мобилизации, продовольственной политики и преступлений комбедовцев. Бесчинств и хулиганства становилось все больше, еды – все меньше, вдобавок к этому часть людей не могли взять в толк, почему, закончив ненавистную им войну с Германией, нужно было продолжать жить в состоянии войны и сражаться теперь уже за вождей революции. Даже среди бывших сторонников партии ползли традиционные для времен недовольства властью слухи о связи правительства с врагами России, а именно о том, что продовольствия не хватает, поскольку большевики продают его немцам [Брянцев, 2011, 192].

После покушения на Ленина была развернута первая массированная пропаганда для формирования положительного образа вождей мирового пролетариата. На заседаниях местных комитетов бедноты и волостных исполкомов людям объясняли, что «буржуазия и ее агенты убивают из-за угла вождей социалистической Революции». Выходили статьи с прославлением вождей коммунизма, где Ленин описывался как «учитель рабочих», который «знал народ, любил народ, жил для народа» [Цит. по: Там же, 188]. Однопартийцы и лидеры партий публиковали сочинения, восхваляющие Ленина. Зиновьев назвал Ленина «апостолом мирового коммунизма», а его работу «Что делать?» – «евангелием искровцев». Троцкий писал о Ленине как об олицетворении всего, «что было в старой революционной интеллигенции лучшего» [Цит. по: Эннкер, 2011, 195]. Эти высказывания печатались в «Правде», распространялись в виде брошюр. В воззвании ВЦИК от 30 августа В.И. Ленин рисовался как «истинный вождь рабочего класса», значение которого «для рабочего движения России, рабочего движения всего мира известно самым широким кругам рабочих всех стран» [Цит. по: Брянцев, 2011, 188].

В 1918 г. начался массовый выпуск плакатов с изображением Ленина и других вождей большевиков. Эти портреты украшали места проведения собраний, партийные администрации. В 1919-1920 гг. его именем было названо два города – Ленинск и Ульяновка.

В то же время вождистская риторика и устройство большевистской партии, обращение «товарищи» и даже некоторые устойчивые выражения, например «долгие и продолжительные аплодисменты», как было показано выше, не были ни нововведением, ни изобретением большевиков. Это был общепринятый дискурс революционного времени. Просто позднее он стал восприниматься как большевистский.

Помня о культах лидеров, возникших и в партии эсеров, и в партии кадетов, можно однозначно сказать, что культ Ленина также не был изобретением большевиков. А ведь именно он станет фундаментом для формирования культа личности Сталина. В 1917 г. культ Керенского, «солнца русской революции», был не менее эмоционально наполненным. Хотя для его создания не понадобилось ни массированной пропаганды, ни жесткой цензуры. И у

Плеханова, и у Милюкова возникли культы в своих партиях. Люди стремились персонифицировать власть и вручить свою судьбу новому «хорошему царю».

Заключение

В начале статьи мы задались вопросом о том, как призывы и даже реальные шаги к демократии и народному представительству могли привести к формированию одного из самых тоталитарных режимов XX в. История не знает сослагательного наклонения, но, проанализировав образы власти в переломный момент русской истории, можно предположить, что победа любой партии в стране привела бы к формированию культа личности ее лидера. И, вероятно, без харизматического лидера ни одна партия не удержалась бы у руля революционной толпы. В обществе просто не существовало демократических форм взаимодействия с властью.

Николай II потерял трон, поскольку перестал отвечать критериям сакрального правителя. Люди увидели в нем обычного человека. Деятельность императора и образ, созданный прессой, сделали его похожим не то на любителя автомобилей и кинолент, не то на смиренного труженика. Над ним смеялись, а смех уничтожает любую сакральность.

Но то, что было уничтожено как политический строй, продолжало жить культурно. «Социалисты по названию» не были демократами по способу мышления. Фактически демократия, свобода слова и выбора воспринимались всем обществом всего лишь как способ поиска нового харизматического лидера, «хорошего царя», который изменит жизнь к лучшему. Этот же механизм даст о себе знать в начале 2000-х гг., когда с приходом популярного сильного лидера интерес к разнообразию политических мнений не просто угаснет, но и снова станет восприниматься как «предательство народного выбора».

Библиография

1. Аксенов В.Б. «Сказка о царе и мировой войне», или опыт реконструкции мифологического дискурса российских крестьян в 1914-1917 гг. // Acta slavica iaponica. 2014. Т. 34. Р. 17-47.
2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. 708 с.
3. Безгин В.Б. «Царь-батюшка» и «народ-богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX – начала XX вв.) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета. 2004. № 2. С. 29-34.
4. Богданов А.А. Что же мы свергли? // Новая жизнь. 1917. № 14.
5. Брянцев В.М. Образ вождей революции в представлениях населения в годы гражданской войны в России (1918-1920 гг.) // Научные ведомости. 2011. № 19. С. 185-194.
6. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.
7. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М.: Мосгорархив, 1996. 398 с.
8. Валлерстайн И. Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра // Эксперт. 2011. № 1. URL: <https://expert.ru/expert/2011/01/lenin-i-leninizm-segodnya-i-poslezavtra/>
9. Вортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 515 с.
10. Вортман Р. Николай II и популяризация его образа в 1913 году. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/vortman.html>
11. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 5 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 2. 494 с.
12. Голиков А.Г. Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5. С. 60-73.
13. Дворжанский А.И., Шишлов С.Л. Посещение императором Николаем II Пензенского края в 1891 и 1904 гг. // Пензенский временник любителей старины. 2000. № 9. С. 3-66.
14. Дорофеева А.В. Эволюция образа власти в массовой культуре России в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 199 с.
15. Ильин А.Ф. Рецензия на воспоминания Бонч-Бруевича // Красная летопись. 1930. № 4.

16. Интервью Керенского. Радио Канада 1964 год. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wA225DBywU4>
17. Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 790 с.
18. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
19. Колоницкий Б.И. Антимонархическая революция 1917 года и начало формирования культа вождя народа // Исторические исследования. 2017. № 6. С. 35-53.
20. Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. URL: <https://www.prlib.ru/item/433585>
21. Пайпс Р. Русская революция. Большевики в борьбе за власть. 1917-1918. М.: Захаров, 2005. 720 с.
22. Рутген Э. Советская риторика искренности // Неприкосновенный запас. 2017. № 3. С. 172-192.
23. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 677 с.
24. Тарасов К.А. Встреча В.И. Ульянова (Ленина) 3 апреля 1917 г. на Финляндском вокзале в воспоминаниях // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 137-153.
25. Троцкий Л. Национальное в Ленине // Правда. 1920. № 86.
26. Федорченко С.З. Народ на войне. М.: Советский писатель, 1992. 448 с.
27. Что должен знать каждый социал-демократ // Правда. 1917. № 1. С. 3-4.
28. Шанин Т. Определяя крестьянство (реферат) // Отечественная история. 1993. № 2. С. 3-28.
29. Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Либеральные оценки Февральской революции 1917 года // Новейшая история России. 2017. № 2. С. 33-43.
30. Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.
31. Яковенко И.Г. Великая война, Россия, революция // Знание – сила. 2017. № 11. С. 28-32.
32. Яковенко И.Г. Мышление революцией // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 87-96.
33. Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: Знание, 2017. 642 с.
34. Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М.: Новые Знания, 2014. 320 с.

The "republic with a good tsar": the images of power at the turning point (1894-1918)

Mariya G. Terekhova

Independent Researcher;
e-mail: 5188800@gmail.com

Abstract

The article aims to study the nature and process of the formation of the personality cult in Russia during the Russian Revolution of 1917. The research methods include historical and logical ones, interdisciplinary and problem-centric approaches, as well as some elements of the system-based analytical approach, which allow the researcher to reveal mechanisms and reasons for the formation of the mentioned phenomena in society. The article analyses the main reasons for the decline in the popularity of Nicholas II of Russia before the Russian Revolution of 1917. The author makes an attempt to pay special attention not to generally recognised and indisputable causes, which were well-researched in the scientific literature, such as the First World War, but to the influence of less obvious but no less significant factors such as a cultural divide in Russian society at the beginning of the 20th century, unpredictable consequences of the development of technology and progress, including publishing, and the authorities' unpreparedness for this difficult period. Using the political

discourse of the epoch of the Provisional Government as an example, the article demonstrates that the formation of the personality cult and the subsequent changes in Russian society were not random. The rise of the personality cult was natural and ineluctable, no matter which party would come to power after the Revolution of 1917.

For citation

Terekhova M.G. (2019) “Respublika s khoroshim tsarem”: obrazy vlasti na perelome (1894-1918 gg.) [The "republic with a good tsar": the images of power at the turning point (1894-1918)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (3A), pp. 36-51.

Keywords

Mentality, culture, politics, power, cult of personality, tsar, emperor, cult of the leader.

References

1. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. (2005) *Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo?* [The history of Russia: the end or a new beginning?] Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.
2. Aksenov V.B. (2014) “Skazka o tsare i mirovoi voine”, ili opyt rekonstruktsii mifologicheskogo diskursa rossiiskikh krest'yan v 1914-1917 gg. [“The tale of the tsar and the world war”, or the experience of reconstructing the mythological discourse of Russian peasants in 1914-1917]. *Acta slavica iaponica*, 34, pp. 17-47.
3. Bezgin V.B. (2004) “Tsar'-batyushka” i “narod-bogonosets” (krest'yanskii monarchizm kontsa XIX – nachala XX vv.) [The "tsar-father" and the "God-bearing people" (the peasant monarchism of the late 19th and the early 20th centuries)]. *Trudy kafedry istorii i filosofii Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of the Department of history and philosophy of Tambov State Technical University], 2, pp. 29-34.
4. Bogdanov A.A. (1917) Chto zhe my svergli? [What did we overthrow?] *Novaya zhizn'* [A new life], 14.
5. Bryantsev V.M. (2011) Obraz vozhdai revolyutsii v predstavleniyakh naseleniya v gody grazhdanskoi voyny v Rossii (1918-1920 gg.) [The image of the leaders of the revolution in the views of the population during the civil war in Russia (1918-1920)]. *Nauchnye vedomosti* [Scientific gazette], 19, pp. 185-194.
6. Bukhovets O.G. (1996) *Sotsial'nye konflikty i krest'yanskaya mental'nost' v Rossiiskoi imperii nachala XX veka: novye materialy, metody, rezul'taty* [Social conflicts and peasant mentality in the Russian Empire of the early 20th century: new materials, methods, results]. Moscow: Mosgorarkhiv Publ.
7. Buldakov V.P. (2010) *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The red upheaval: the nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN Publ.
8. Chto dolzhen znat' kazhdyi sotsial-demokrat [What every Social Democrat must know] (1917). *Pravda* [Truth], 1, pp. 3-4.
9. Dorofeeva A.V. (2009) *Evolutsiya obraza vlasti v massovoi kul'ture Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. Doct. Diss.* [The evolution of the image of power in the mass culture of Russia in the late 19th and the early 20th centuries. Doct. Diss.]. Moscow.
10. Dvorzhanskii A.I., Shishlov S.L. (2000) Poseshchenie imperatorom Nikolaem II Penzenskogo kraja v 1891 i 1904 gg. [Emperor Nicholas II's visit to the Penza region in 1891 and 1904]. *Penzenskii vremennik lyubitelei stariny* [Penza annals of the lovers of the olden days], 9, pp. 3-66.
11. Ennker B. (1997) *Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion*. Köln. (Russ. ed.: Ennker B. (2011) *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soyuze*. Moscow: ROSSPEN Publ.)
12. Fedorchenko S.Z. (1992) *Narod na voine* [The people in the war]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.
13. Golikov A.G. (1992) Fenomen Kerenskogo [The Kerensky phenomenon]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history], 5, pp. 60-73.
14. Il'in A.F. (1930) Retsenziya na vospominaniya Bonch-Bruevicha [A review of Bonch-Bruevich's memoirs]. *Krasnaya letopis'* [Red chronicle], 4.
15. *Interv'yu Kerenskogo. Radio Kanada 1964 god* [An interview with Kerensky. Radio Canada, 1964]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=wA225DBywU4> [Accessed 17/05/19].
16. Kolonitskii B.I. (2017) “Tovarishch Kerenskii”: antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta “vozhdya naroda” (mart – iyun' 1917 goda) [“Comrade Kerensky”: the anti-monarchy revolution and the formation of the cult of the "leader of the people" (March – June 1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
17. Kolonitskii B.I. (2010) “Tragicheskaya erotika”: obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voyny [“Tragic erotica”: the images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.

18. Kolonitskii B.I. (2017) Antimonarkhicheskaya revolyutsiya 1917 goda i nachalo formirovaniya kul'ta vozhdya naroda [The anti-monarchy revolution of 1917 and the beginning of the formation of the cult of the leader of the people]. *Istoricheskie issledovaniya* [Historical research], 6, pp. 35-53.
19. *Obshchii svod po Imperii rezul'tatov razrabotki, dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvarya 1897 goda* [The general summary of the results of the development, the data of the first general population census, carried out in the Empire on January 28, 1897]. Available at: <https://www.prilib.ru/item/433585> [Accessed 17/05/19].
20. Pipes R. (1990) *The Russian Revolution*. New York. (Russ. ed.: Pipes R. (2005) *Russkaya revolyutsiya. Bol'sheviki v bor'be za vlast'. 1917-1918*. Moscow: Zakharov Publ.)
21. Rutten E. (2017) Sovetskaya ritorika iskrennosti [Soviet rhetoric of sincerity]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 3, pp. 172-192.
22. Shanin T. (1993) Opredelyaya krest'yanstvo (referat) [Defining peasants (an abstract)]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history], 2, pp. 3-28.
23. Shelokhaev V.V., Solov'ev K.A. (2017) Liberal'nye otsenki Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda [Liberal assessments of the February Revolution of 1917]. *Noveishaya istoriya Rossii* [The recent history of Russia], 2, pp. 33-43.
24. Sukhova O.A. (2008) *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: ocherki istorii sotsial'noi psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya* [Ten myths of peasant consciousness: an outline of the history of social psychology and mentality of Russian peasantry (the late 19th and the early 20th centuries) on the basis of the materials of the Middle Volga region]. Moscow: ROSSPEN Publ.
25. Tarasov K.A. (2014) Vstrecha V.I. Ul'yanova (Lenina) 3 aprelya 1917 g. na Finlyandskom vokzale v vospominaniyakh [Welcoming V.I. Ulyanov (Lenin) on April 3, 1917 at the Finland Station in memoirs]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Saint Petersburg historical journal], 1, pp. 137-153.
26. Trotskii L. (1920) Natsional'noe v Lenine [The national in Lenin]. *Pravda* [Truth], 86.
27. *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine: v 5 t.* [Memories of Vladimir Lenin: in 5 vols.] (1984), Vol. 2. Moscow: Politizdat Publ.
28. Wallerstein I. (2011) Lenin i leninizm segodnya i poslezavtra [Lenin and Leninism today and the day after tomorrow]. *Ekspert* [Expert], 1. Available at: <https://expert.ru/expert/2011/01/lenin-i-leninizm-segodnya-i-poslezavtra/> [Accessed 17/05/19].
29. Wortman R. (1976) *The development of a Russian legal consciousness*. Chicago. (Russ. ed.: Wortman R. (2004) *Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.)
30. Wortman R. (1999) *Nikolai II i populyarizatsiya ego obraza v 1913 godu* [Nicholas II and the popularisation of his image in 1913]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/vortman.html> [Accessed 17/05/19].
31. Yakovenko I.G. (2017) Myshlenie revolyutsiei [Thinking by revolution]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 3, pp. 87-96.
32. Yakovenko I.G. (2017) *Poznanie Rossii: tsivilizatsionnyi analiz* [Knowledge of Russia: civilisational analysis]. Moscow: Znanie Publ.
33. Yakovenko I.G. (2014) *Rossiia i modernizatsiya v 1990-e gody i posleduyushchii period: sotsial'no-kul'turnoe izmerenie* [Russia and modernisation in the 1990s and beyond: the sociocultural dimension]. Moscow: Novye Znaniya Publ.
34. Yakovenko I.G. (2017) Velikaya voina, Rossiya, revolyutsiya [The great war, Russia, the revolution]. *Znanie – sila* [Knowledge is power], 11, pp. 28-32.